

Либеральная экономика в нашей стране предусматривает отказ государства от социальных обязательств перед обществом, провозглашает право сильного в социально-экономических, политических и иных взаимоотношениях. Деньги концентрируют в своих руках абсолютную власть.

В обществе потребления, власти денег талантливые люди опасны. Активно внедряется мода на тупость, пошлость и невоспитанность. Снижается качество и доступность образования, предоставляемого низшим общественным классам – «неолибералам» не нужны сограждане, им требуется прислуга. И они её формируют и воспитывают, ежедневно и ежечасно, тратя на это колоссальные деньги.

Кто имеет реальную свободу слова? У кого есть соответствующие средства и ТВ-каналы. Фигуранты крупного бизнеса управляют всем, в том числе и потоками литературной продукции, которую сегодня создают поэты, прозаики, драматурги, литературные критики и литературоведы. Художественная литература, которая сеет «разумное, доброе, вечное», отодвигается в тень, тиражируется та, в которой насаждается цинизм, безвкусице, глупость, насилие, ненависть, алчность, жестокость и прочие «экстремально-пикантные ценности».

Сегодня те, кто захватил власть, не способны осознать, что ускорение научно-технического прогресса делает проблему морально-нравственного развития особенно актуальной и потому архиважной. Ничем не сдерживаемый, неконтролируемый огромный потенциал знаний – прямой путь к самоуничтожению.

На этом фоне число людей, которые считают себя писателями, у нас растёт так же стремительно, как уменьшается число читателей. Образно говоря, часто тот, кто сел не в свои сани, стремится стать кучером.

Сливки литературного сообщества часто путают с плесенью. Именно поэтому всё громче звучит тезис, что русская литература умирает. Вот и Александр Кузьменков, отвечая в ходе интервью на вопрос «Кому из современных писателей вы бы дали «чёрную метку»?», категорично ответил: «Всем и за всё!». Известный литературный критик, конечно же, вспылал, подзабыв, что, когда порешь горячку, горячка порет тебя. В своём поле зрения А. Кузьменков, как мне представляется, держит в основном те книги, авторы которых получают всевозможные премии, часто издаются в самых крупных книжных издательствах, мелькают на телеэкране, участвуют во всевозможных литературных тусовках...

Однако кроме этих писателей есть и другие, кто, без всяких сомнений, обладает выдающимся талантом, но своим творчеством не вписывается в идеологическую парадигму либералов. Для таких литераторов двери книжных издательств наглухо закрыты. Если их и пускают на порог, то лишь для того, чтобы сказать: «Вы же не Агата Кристи; ваши книги никто покупать не будет, а мы прогорим...». Вот и получается, что, когда жизнь измеряется только деньгами, её цена падает.

На творчестве одного из таких писателей я и хочу остановиться. Это автор большой и малой прозы Фёдор Михайлович Ошевнев. Современные литературоведы и критики о творчестве подобных писателей не пишут. Какой смысл? За это денег не платят. Они прославляют «раскрученных» литераторов. Когда читаю такого рода статьи, под рукой всегда держу «Словарь иностранных слов», так как в них сплошь: «гешефт», «синкретизм», «интоксикация», «апофатически»,

«миметричности», «нарратив», «мерчендайзер»... Ну как тут «не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома»?

Полагаю, никто не будет спорить, что главная задача литературной критики – воспитание квалифицированного читателя. Понятно, что в условиях сегодняшнего дня подобные «гешефты» не справятся с решением этой нелёгкой задачи. Но, тем не менее, критические статьи пишутся, публикуются, восхваление литературного «синкретизма» идёт полным ходом и поднимает тиражи «нужных» книг. «Раскрученные» писатели и критики получают гонорары, издатели пересчитывают полученные барыши... Как говорится, и овцы целы, и водка не допита.

Вместо того, чтобы на полях литературного процесса отыскивать «зёрна» бесспорно талантливых писателей, например, ту же прозу Фёдора Ошевнева, которая широко представлена в Интернете и многочисленных бумажных периодических изданиях и пропагандировать их творчество, наши критики всё чаще раздают незаслуженно высокие оценки литераторам прошлого, значительную часть жизни посвятивших борьбе с Россией.

Всего один пример. После распада СССР патриот Валерий Хатюшин стал активно заниматься литературной критикой. Вот взял бы да и написал о самых лучших произведениях Ошевнева, тем более что в последние годы шесть его рассказов опубликовал в «Молодой гвардии» и с творчеством Фёдора Михайловича давно и хорошо знаком. Не желает, концентрирует внимание читателей на других авторах. Только что в печати появилась его статья «Поэты белой гвардии» («Берега», №1 за 2019 г.), в которой он с завидным энтузиазмом восхваляет личность Арсения Несмелова и его стихи средненького уровня. При этом Хатюшин скромно умалчивает, что Несмелов был членом русской фашистской партии,

окончил японскую разведшколу, после чего сражался в 1945 году против Советской армии. Видимо, Несмелов делал это потому, что «очень любил русских людей и Россию». А Хатюшин всячески старается доказать, что этот «власовец» японского разлива был исключительно порядочным человеком и талантливым поэтом. Впрочем, это не первый необдуманый поступок патриота и неплохого поэта Валерия Хатюшина. А последствия неправомерного восхваления более чем сомнительного автора могут быть таковы, что к стишкам Несмелова кое-кто из читателей проявит интерес, а многие по-настоящему талантливые современные поэты и прозаики так и останутся в тени литературного процесса. Вот такие, мягко говоря, странные патриоты участвуют сегодня в формировании читательского интереса.

Скорее всего, ознакомившись с подобными статьями, Валентин Курбатов однажды публично сказал: «...И институт, который я сейчас представляю, институт критики, уже напрасный и смешной».

В молодости я считал, что настоящий талант в поклонниках не нуждается. И ошибался: без поклонников (для писателя — это читатели) «нить» таланта меркнет, и в конечном итоге он становится «почти перегоревшей лампочкой».

В писательском багаже Фёдора Ошевнева четыре повести («Яблони в цвету», «Да минует вас чаша сия», «Идеальный сыщик», «Билет на тот свет») и около ста пятидесяти рассказов. Перечислю лишь самые значимые, на мой взгляд, из них: «Штопор», «Конверт без обратного адреса», «Исповедь мужа», «Пернатый муфлон», «Липовый ствол», «Шоколадный символ воли», «Комсомольская характеристика», «Гост», «Канатка», «Торжество справедливости», «Болтыш и Жаба», «Записки букиниста», «Новый Нострадамус», «Издержки самообороны», «Полонез Огинского», «Большое зло», «Трёхлитровая жена», «Катастрофические встречи».

Благодаря рассказу «У каждого – своё» Ф. Ошевнев стал Дипломантом международного литературного Тургеневского конкурса «Бежин луг» в номинации «За глубокое и искреннее изображение окружающего мира». За рассказ «Верующий батюшка» – Лауреатом международного литературного конкурса «Есенинцы» в номинации «Господи, я верую!..» А за рассказы «Самосуд», «Я своих решений не меняю», «Открыто-запертый сейф», опубликованные в 2018 году в литературном журнале «Приокские зори», он был удостоен звания Лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова в номинации «Проза». Произведения Ф. Ошевнева напечатаны в 125-ти литературных изданиях РФ и за рубежом (350 публикаций), но критики и книжные издательства с упорством, достойным лучшего применения, делают вид, что такого писателя не существует.

Из подобной практики можно смело сделать вывод, что сегодня в России есть немало действительно талантливых прозаиков и поэтов, но мы о них не знаем. И, как считает известный критик Сергей Морозов, не узнаем никогда. А это ещё один шаг к литературной катастрофе.

Правда, недавно на малой родине Фёдора Ошевнева в г. Усмани в районной газете появилась небольшая статья Сергея Сущего «Беспощадный взгляд на жизнь», в которой справедливо отмечено: «В лучших его произведениях присутствует самое необходимое для настоящей прозы – абсолютно беспощадный взгляд на жизнь в сочетании с надеждой. Не в том смысле, что она «умирает последней», а потому, что писатель видит в происходящем живой шанс на лучшее. А ещё есть профессиональный юмор и пружинистая фабула, любовь к своим героям, каковы бы они ни были».

У Ошевнева со школьной поры было в жизни лишь одно хобби: собирал библиотеку художественной литературы.

Сейчас в ней три тысячи книг, только подписных изданий более ста двадцати. Особенно он гордится «Библиотекой всемирной литературы» и «Библиотекой приключений и научной фантастики».

Четверть века Фёдор Ошевнев отдал погонной службе: сначала в армии, затем в органах МВД. Суровая армейская действительность и постоянная работа беспокойной ищущей мысли подтолкнули его к писательской деятельности. Имея высшее техническое образование, он поступил на заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького и успешно окончил его. Это позволило, оставаясь в рядах нашей армии, стать военным корреспондентом и получить дополнительные возможности для творчества.

У Ошевнева самое крупное произведение «Яблони в цвету», написанное после двух командировок в «горячие точки» (Чечня, Ингушетия).

Писатель назвал её повестью. Однако по объёму (416 страниц), многочисленности героев, достаточно подробному жизнеописанию большинства из них, глубокому изображению «изгибов» и «изломов» их душ в различных непростых жизненных ситуациях иной литературовед обозначит «Яблони в цвету» не как повесть, а как роман. И будет прав.

Повествование идёт от первого лица, что существенно сближает читателя с персонажами; только в пятой главе мы узнаём, что главного героя, который так увлечённо «рассказывает» нам о людях и событиях, зовут Станислав Радов. Действие развивается стремительно и захватывает читателя с первых страниц. Мы узнаём, как мечется по жизни Радов в новую эпоху, как мучается, о чём думает, что затевает и как действует. В стихотворении одного поэта есть такие строки:

*Мы мечемся по жизни как кроты,
Обильно умываемся слезами.*

*И прошлое глядит из темноты
Печальными и мудрыми глазами.*

Это как раз о таких, как Радов, и в значительной степени о каждом из нас. И подобных станицыславов – миллионы. В первых главах как бы наметился «герой нашего времени», а именно та его разновидность, образ которого передаёт читателю «дух времени».

Большинство командированных в Чечню сотрудников милиции добровольно писали рапорта о желании выехать в «горячую точку», но мотив такого шага у каждого героя повести был свой. Одни хотели поправить своё материальное положение, другие – избавиться от сложившихся неблагоприятных жизненных ситуаций, бесшабашные натуры жаждали увидеть «лицо» войны... У каждого из них своя задумка, но есть и другая, общая Цель, которая сплавливает их и объединяет в единый боевой отряд. Вместе с тем, они до конца не осознают, что делают в Чечне, ради чего рискуют жизнью, но смутно понимают: здесь отстаивают интересы России; значит, как они считают, «наше дело правое».

Бросается в глаза отношение персонажей к населению мятежной Республики. В советские годы мне довелось восемь лет жить и работать в Чечено-Ингушской АССР. И я хорошо помню тот душевный дискомфорт, который постоянно испытывал. Многие воспринимались как «чужое»: от религиозных обрядов различных мусульманских сект до средневековых обычаев, когда, например, чеченка не имела права сидеть за одним столом с гостями-мужчинами. Такие же чувства, к тому же разогретые пожаром войны, испытывают и герои повести, но у них нет ненависти к «чужакам» и ощущения национального превосходства.

Я бы не сказал, что главная тема художественного полотна – чеченская война. Боевые действия – всего лишь роковой

для героев повести эпизод, кратко изложенный на самых последних страницах. Война в повествовании – это скорее фон, на котором лучше просматривается человек, одетый в милицейскую форму. Для убедительности и лучшего понимания внутренней сущности каждого из тринадцати главных героев, их отношения к Добру и Злу, автор пишет о каждом из них практически отдельный рассказ, главное в котором – показать, «как закалялась сталь». Но эта «сталь» уже не та, что у Николая Островского. К этим героям не в полной мере применимы и слова Николая Тихонова: «Гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей». Но государство для достижения своих целей (в данном случае укрепления «конструкции» территориальной целостности) использует те «гвозди», которые у неё есть. Эту правду Фёдор Ошевнев особо не выпячивает, но и не скрывает: любой рядовой гражданин в погонах – всего лишь средство в руках армейских или милицейских чиновников. В советском государстве была та же картина, но с существенной разницей: когда страна вела боевые действия, никто в это время не увеличивал свои богатства на сотни миллионов долларов. И такое положение дел народы России оценивали очень высоко.

Есть в повести и самый главный герой – Правда. Нередко в жизни она выглядит так безобразно, что её скрывают от публики. Ф. Ошевнев не склонен к этому. Правда жизни выступает в роли катализатора мысли: сотрудники милиции начинают осмысливать происходящее, и по этой причине один из них обращает свой взор к работе В. И. Ленина «Отношения к буржуазным партиям». Видимо, действительно пришло время, когда К. Маркса и В. Ленина всем нам надо читать и перечитывать.

И ещё одна большая заслуга автора. В повести мастерски изображены герои, которые, образно говоря, идут по дороге

жизни босиком, а эта дорога усеяна битым стеклом и нечистотами; их постоянно подгоняет кнут бедности и нищеты, нещадно хлещущий каждодневно не только по телу, но и по душе. Таких людей в нашей стране становится всё больше и больше. И сегодня они начинают думать, как им жить завтра. К какому выводу они придут и как станут действовать дальше, догадаться нетрудно.

Один из последних по хронологии рассказов Фёдора Ошевнева называется «Новый Нострадамус». Заголовок броский, читатель ожидает встретить в тексте что-то необычное, но ближе к концу повествования становится понятно, что в нём скрывается существенная доля иронии. Вроде бы в изложенном ничего особенного нет, обычные житейские ситуации, но автор выхватил такие картинки нашей жизни и (главное!) так преподнёс их читателю, что в них отчётливо просматривается целое полотно нашей действительности. (Это, кстати, отличительная черта многих рассказов Ф. Ошевнева). Здесь мы видим и «портрет» молодого поколения, и характеристику воспитательного процесса, и личности руководителей учебных заведений. Штрихами отражены современные нравы, деятельность полиции, бесправное положение «маленького человека», затхлая атмосфера провинциального городка. Иначе говоря, писатель умеет хотя бы пунктирно обозначить и то, что осталось «за кадром».

Директор аграрного колледжа Сергей Авангардович и разнорабочий Покосцев освещены так ярко, что стоят перед глазами читателей «во весь рост». Речевая особенность даже в небольших деталях помогает нам лучше понять персонаж. Короткие монологи директора ну прямо-таки выворачивают наизнанку его гнилое нутро. Повествование не затянуто, и это позволяет сохранить художественную «энергетику» рассказа. Концовка же его совсем не та, что, вроде бы, ожидалась, а с

«перчиком», с «изюминкой» — и это придаёт дополнительный шарм сатирической вещи.

Фёдор Ошевнев умеет виртуозно изобразить психологическое состояние своих героев в той или иной ситуации. Чувствуется, что он долго и всерьёз изучал психологию личности и межличностные отношения. Видимо, не зря сокурсники в Литературном институте и сослуживцы в армии звали его «господин Достоевский», а не товарищ. Ф. М. Достоевский коротко и ёмко определил главную задачу всякого писателя. Это – «Созидание живых цельных характеров». Именно созидание! И Фёдор Ошевнев уже несколько десятилетий с большим успехом занимается этим.

Другой также недавно написанный рассказ Ф. Ошевнева называется «Липовый ствол», в нём вскрываются «болезни» нашей армии. Эту тему писатель знает досконально, так как пятнадцать лет прослужил в Вооружённых Силах и из них восемь – именно командиром взвода, «на своеобразной передовой». Сюжет рассказа внешне непритязателен. Прапорщик Гуцин находится на дежурстве, исполняет обязанности начальника внутреннего караула. В ходе плановой проверки постов в светлое время суток, он на вышке обнаруживает спящего солдата-часового по фамилии Пулкин. Гуцин решил по-своему воспитывать рядового: забрал у спящего автомат и спрятал его в караульном помещении. Окружающим его солдатам приказал пока молчать. Через час Гуцин с новой сменой часовых вышел на пост. Пулкин уже бодрствовал, объяснить исчезновение АК-74, естественно, не смог. Гуцин провёл с Пулкиным воспитательную беседу, в ходе которой провинившийся «ошарашил начкара вопросом»: «Что мне теперь, застрелиться?». После обеда в столовой Пулкин вновь заступил на пост, но уже по команде прапорщика с деревянной бутафорией из липы, по форме напоминающей

автомат. Гушин планировал сообщить Пулкину о «пропаже» оружия после того, как завершится его смена в роли часового. От солдат прапорщик узнаёт, что ночью старослужащие издевались над Пулкиным, поэтому он толком не выспался, что явилось предпосылкой к ЧП.

И тут с внезапной проверкой караульной службы прибыл зам. командира войсковой части по воспитательной работе подполковник Анюшкин, который, увидев вместо автомата бутафорию, устроил форменный разнос Гушину. О произошедшем ЧП Анюшкин в постовой ведомости результатов проверки запись не сделал, чтобы этот факт не получил огласки на итоговом совещании и не послужил иллюстрацией его воспитательной деятельности.

На следующий день у командира части состоялся «разбор полётов» с участием двух его заместителей и Гушина. Кульминация рассказа написана чрезвычайно выразительно. Автор вскрыл всю подноготную командиров, выпукло продемонстрировал гнилость армейской системы. В итоге присутствующие решили наказать прапорщика аж трижды: объявить ему неполное служебное соответствие, лишить тринадцатой зарплаты и перенести отпуск с сентября на декабрь. Однако наложить взыскание вовсе не за то, что он не доложил дежурному по части о ЧП, а – «оформить всё на бумаге умело».

События в повествовании сжимаются как пружина, и нам становится понятно, что это «ружьё» обязательно выстрелит. Чем заканчивается рассказ, заинтересованный читатель узнает сам.

Писатель, по мере развития событий в рассказе, углубляется в психологию персонажей, всё отчётливее и убедительнее (чему способствует добротный художественный язык) изображает мысли, чувства и поступки своих героев. По

меркам литературоведов, главным героем является прапорщик Гушин. Но если отбросить в сторону «фокусы» теории литературы, именно в данном случае главным героем являются морально-нравственные категории: справедливость, достоинство, честь. Морально-нравственные категории – это базовая необходимость для самосохранения армии (важнейшего института государства) от внутреннего разложения, от внешнего врага, от своего собственного самоуничтожения. Именно за эту чрезвычайно важную мысль «воюет» писатель, взяв на вооружение Художественное Слово.

Перечислять многочисленную гамму достоинств рассказа не буду, лишь отмечу, что это произведение с блеском выполняет познавательную, воспитательную и эстетическую функции.

В рассказах Ф. Ошевнева о солдатах и офицерах, для которых «приказ командира – закон», постоянно присутствует одна тревожная мысль. Человек, добровольно или принудительно попавший в нашу армию, находится в исключительно сложной ситуации. С одной стороны надо готовиться к возможной войне с внешним врагом; с теми, кто сегодня носит маску «партнёров», а завтра (как они уже делали многократно) отбросит эту словесно-политическую бутафорию, и мы увидим его настоящее лицо, лицо агрессора. С другой стороны на человека постоянно давит несовершенство армейской системы. Она нередко наказывает за великодушный порыв («Встречай, приезжаем элистинским»). Она часто выдвигает не самых смелых, знающих, способных, а послушных и бездумных. Система готова с лёгкостью выбросить в «народное хозяйство» талантливого офицера («Адюльтер», «Заавторство»). Она требует с честью нести высокое звание офицера, но не доверяет офицеру личного оружия для защиты своей чести от уличной шпаны («Встречный удар»). Она напере-

кор логике выдвигает на высокие посты расхитителей государственной собственности, невежественных людей, а то и откровенных глупцов («Вор у вора», «Приступ вежливости», «Почему процесс не пошёл?»).

Писатель Олег Лукьянченко в предисловии к сборнику рассказов Фёдора Ошевнева «Чёртова дюжина ножей в спину российской милиции» подчёркивает: «В его творчестве прослеживается сквозной мотив: конфликт между честными, знающими своё дело сотрудниками армии, милиции, рядовыми гражданами, для кого суть их работы служба «делу, а не лицам», – и их начальниками, для которых главная цель жизни – собственное преуспеяние и желание любой ценой угодить более высоким руководителям. Причём ради достижения этих целей они готовы растоптать подчинённого, не останавливаясь даже перед служебными преступлениями. Конфронтации такого рода рельефно изображены во многих рассказах Ошевнева. Ещё одна их особенность – частое изображение пограничных ситуаций, в которые попадают герои, когда жизнь ставит их перед необходимостью сделать краеугольный выбор: или-или. Подобные ситуации придают напряжённый драматизм изображённым коллизиям, и далеко не всегда разрешаются они в пользу тех персонажей, к которым читатель, вслед за автором, испытывает сочувствие».

Обходя острые углы, не сделаешь их тупыми. Ф. Ошевнев в своих произведениях «острых углов» нашей действительности не обходит. Иногда складывается впечатление, что он специально ищет и накапливает «свинцовые мерзости сегодняшней российской жизни». «Для чего?» – спросит иной читатель. А когда соприкоснётся с прозой писателя, сам же и ответит на этот вопрос: «Для того, чтобы знать о них и постараться изжить их из нашей повседневности». Чтобы убрать нечистоты на жизненном пути, для начала необходимо увидеть их.

Многие герои Фёдора Ошевнева в чём-то сродни образам его любимого писателя Джека Лондона. Они, попадая в жизненные катаклизмы, ведут борьбу, ибо понимают: склони голову перед судьбой – и она сядет тебе на шею, сломает. По большей части они не смиряются с испытаниями, выпавшими на их долю, выступают – порой в одиночку – против превосходящих сил зла и несправедливостей большого начальства.

И ещё об одной особенности творчества рассматриваемого автора непременно следует упомянуть.

Художественная литература – это прежде всего искусство Слова. Искусство! Ф. Ошевнев очень тщательно работает над языком своих произведений: использует все возможности выразительности, все пласты лексики, существующие в языке. Через язык действующих лиц он передаёт особенности их жизненного опыта, культуры, склада ума, психологии. У каждого героя речь индивидуальна, что подтверждается синтаксическим построением фразы, словарным составом, интонацией, содержанием сказанного. Вот только один пример из рассказа «Я своих решений не меняю!». Генерал МВД Тертерян, выражая несправедливое недовольство работой своего подчинённого, говорит ему: «За что я тебе деньги плачу?». Уже по одной этой фразе можно судить об уровне интеллекта и морально-нравственных качествах генерала. Или же – другой пример – из рассказа «Соучастник тяжкого преступления», выдержка из написанного милицейским следователем «Постановления о назначении комплексной экспертизы»: «По прибытию Котова и Базилевича на звук выстрела в район пруда с экзотическими водоплавающими, вышешепоименованными охранниками был обнаружен вышеупомянутый труп вышеназванного гуся...». Блестящая реконструкция бюрократического стиля!

По электронной почте я связался с писателем, доктором философских наук Сергеем Сущим и попросил его ответить

на вопрос: «Как вы оцениваете новую книгу Фёдора Ошевнева «Дырка от бублика?»». Вот что он мне написал: «Редкому автору удаётся уйти из своей жанровой колеи, особенно если проработал в ней уже не один десяток лет. Фёдору Ошевневу это удалось. Тем более впечатляет дистанция жанрового перехода – из милицейско-армейской прозы в детскую литературу. Причём в один из самых сложных и одновременно занимательных её разделов, рассчитанный на взрослого читателя. Для всех авторов ориентиром здесь является уже ставшая классикой – «От двух до пяти» К. И. Чуковского. Новая книжка Ошевнева по форме (множество миниатюр) и содержанию эту ювенальную линию отечественной словесности успешно продолжает.

В «Дырке от бублика» есть всё, за что читатели любят такую литературу. Детские характеры и психология, смекалка и наивная хитрость маленьких людей, их самопознание и знакомство с миром – огромным и противоречивым. И, конечно, сама детская речь – живая, непредсказуемая, осваивающая с нуля возможности родного языка, но зачастую, через непрерывную игру образов и ассоциаций, рождающая этот язык заново.

Несмотря на то, что герои книги – дети, книга совсем не сентиментальна. Наоборот, в детской проекции современного взрослого мира особенно отчётливо видны пороки и несообразности последнего.

Благодаря искусству слова Ф. Ошевнева мы участвуем в жизни героев, вместе с ними переживаем и радуемся. И всё то, что мы чувствуем и ощущаем, и есть результат воздействия на читателя искусства слова этого писателя. Подобная литература заставляет думать, переживать, перечитывать и наслаждаться словом.